

О символах и каргокультах

© Фишман Л. Г.

© Fishman L.

О символах и каргокультах

On symbols and cargocults

Аннотация. Статья посвящена ответу на вопрос: всегда ли установка или восстановление памятника советских времен означает победу в общественном масштабе тех смыслов, которые в них вкладывают сторонники таких мероприятий? Показано, что сегодня восстановление таких памятников объективно ничего не добавляет к уже имеющимся и ставшим привычными символическим уступкам советскому прошлому. Поэтому провозглашающие, что возвращение памятников означает частичный возврат к советским временам, искренне заблуждаются либо сознательно работают в парадигме буржуазного нацистроительства.

Annotation. The article is devoted to answering the question: does the installation or restoration of monument of Soviet times always mean a victory on a public scale in a sense that supporters of such events put into them? The author shows that nowadays the restoration of such monuments objectively adds nothing to the already existing and familiar symbolic concessions to the Soviet past. Therefore, those who proclaim that the return of monuments means a partial return to Soviet times are sincerely mistaken, or deliberately work in the paradigm of bourgeois nation-building.

Ключевые слова. Советский строй, символы, нацистроительство, Дзержинский, Невский, Сталин.

Key words. Soviet system, symbols, nation-building, Dzerzhinsky, Nevsky, Stalin.

Сегодня тема политической борьбы на уровне отражаемой в разного рода «местах памяти» [7] символики как нельзя более актуальна. Свидетельством этому являются как события в США и Европе, связанные с протестами BLM, сносом памятников генералам Конфедерации и другим деятелям истории, чья роль сейчас пересматривается, так и в России с нашими жаркими дебатами по поводу выбора символа России или восстановления памятника Дзержинскому на Лубянской площади. Подобного рода борьба на символично-политическом поле для многих замещает собой всякую другую борьбу. Нередко возникает впечатление, что ее участники придают ей чрезмерное значение, полагая, что доминирование на символическом уровне является залогом победы вообще. Возможно, это справедливо, если речь идет исключительно о низвержении

Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020—2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», руководитель академик РАН В. Н. Руденко).

ФИШМАН Леонид Гершевич — главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, профессор РАН, доктор политических наук.

памятников. Снос памятника или даже его перенос из публичного места в музей или парк часто означает, что общественное мнение в каких-то существенных вопросах сильно изменилось, а власть либо с ним солидарна, либо не противится ему. Такой снос свидетельствует об убедительной победе в общественном сознании новых идеологем.

Но можно ли то же самое сказать о ситуации установки или восстановления памятников? Всегда ли установка или восстановление какого-либо памятника означает победу в общественном масштабе тех смыслов, которые в них вкладывают сторонники таких мероприятий?

1

Начнем с лирического отступления. В археологии как части исторической науки давно уже достигнуто согласие по поводу степени самостоятельности значения архитектурных и прочих памятников из камня или мрамора, чугуна или бронзы. Признано, что сами по себе они могут рассказать не слишком много, если не обнаружено письменных источников, из которых вырастает более или менее связная картина культуры, собственно, и придающая памятникам смысл. Поэтому мы точно знаем, что развалины огромного цирка в Риме — это развалины Колизея, тогда как о назначении даже хорошо сохранившихся зданий заброшенных городов в джунглях Южной Америки или Индокитая можем только догадываться. Более того, не зная о подлинном значении этих строений, мы можем приписать им любое, договариваясь считать их хоть «культовыми сооружениями» (если мы — скромные ученые и у нас нет иных гипотез), хоть инопланетными космодромами (если в нас возобладает тяга к чудесному или дешевым сенсациям). Смысл памятникам придается «извне», исходя из знаний и потребностей сегодняшнего дня.

Менее очевидно значение памятников, которые были воздвигнуты или низвергнуты на наших глазах, либо которые только собираются построить или разрушить. Мы, конечно, понимаем, что большая часть разногласий по их поводу связана с вкладываемыми в них идеологическими смыслами, ассоциирующимися с определенными историческими событиями. Однако сегодня, когда памятник становится объектом политической борьбы, ему нередко приписывается раз и навсегда привязанное к этим идеологиям и событиям значение. Из этого вытекает, что если памятник был некогда низвергнут с целью умаления значения определенных идеологии и события, то его восстановление автоматически означает реабилитацию в общественном сознании и в глазах принимающих решение людей именно этой идеологии и события. То же самое относится к памяти о выдающихся исторических личностях вообще.

Разумеется, вчерашний и позавчерашний день имеют значение. Но сегодня более важен не историко-идеологический бэкграунд, а нынешний, обусловленный состоянием общественного мнения, политической ситуацией, «расстановкой классовых сил», если угодно, контекст. Манипуляции с памятниками решают поэтому задачи не вчерашнего и не завтрашнего, а нынешнего дня. И смыслы, которые приписываются памятникам как представителями правящих элит, так и общественным мнением, во все не обязательно те, которые были за ними закреплены в момент их

установки. По мере наступления новой эпохи, нового строя в прежние символы вкладываются новые смыслы. Или же символы просто уничтожаются, если вложение в них новых смыслов оказывается принципиально невозможным.

Приведем несколько сразу приходящих на ум примеров.

«Ленинопад» на Украине после второго Майдана в большей степени был связан не с тем, что Ленин являлся коммунистом, а с тем, что он олицетворяет отвергаемую националистами преемственность с Российской империей в ее советском варианте. Точно так же и КПУ там запретили не столько в силу принципиального отвержения коммунистической идеологии, сколько как потенциально пророссийскую политическую силу [8]. И ровно по тем же самым причинам в Российской Федерации памятники Ленину сносят не так активно (скорей наблюдается «ползучий ленинопад»), как и не идет речи о запрете КПРФ. Ведь в России Ленин — основатель государственности, преемником которой провозглашает себя государственность нынешняя. Конечно, ассоциации с коммунизмом немного мешают, но лишь настолько, чтобы стыдливо драпировать Мавзолей по праздникам, оставляя его на виду все остальное время.

Обратный пример. Какое отношение имели к идеям коммунизма Иван Грозный, Петр Великий, Александр Невский, Александр Суворов и Михаил Кутузов, равно как и длинный ряд иных деятелей «эпохи до исторического материализма» масштабом поменьше? Вопрос риторический. Это не помешало всем указанным деятелям быть востребованными новым общественным строем ради укрепления теперь уже советской государственности. В реальности практически все эти люди были, максимум, «относительно прогрессивны» для своего времени. Но им поставили множество памятников, учредили названные их именами награды, увековечили память о них множеством иных способов.

В некоторых случаях сохранению памятников не помогает и «социально близкая» идеологическая подоплека. Так было с установлением доски Маннергейму в Санкт-Петербурге: она продержалась недолго. В этом случае свою роль сыграли не только исторический бэкграунд и воля власть предержащих, но и то, где ее установили — в городе, понесшем огромные потери от блокады, организованной в том числе и Маннергеймом. К тому же в ситуации патриотического подъема от *воссоединения* с Крымом странно выглядело чествование деятеля, прямо связанного с *распадом* Российской империи.

Еще один пример — памятники Сталину. Инициативы по поводу их восстановления часто связываются с восстановлением советского строя или реабилитацией сталинизма. Возможно, в глазах некоторой части сторонников таких инициатив это так и есть. Но не меньше оснований полагать, что для других Сталин — исключительно символ государственного величия, а не достижений на ниве строительства коммунизма. Для третьих и вовсе памятник Сталину — потенциально привлекательный туристический объект, который может стать «драйвером развития малого предпринимательства» [1].

Думается, мало у кого возникнут сомнения в том, что определять значение какого-то политического символа, памятника, исторического

деятеля и т. д. нужно, учитывая, кем и в какой ситуации, при каком соотношении сил они поднимаются на знамя. Например, вряд ли читатель станет отрицать, что Ленин для нынешних членов КПРФ — преимущественно основатель великой советской державы, Сталин — в первую очередь великий патриот и государственный деятель, а не коммунист, стремившийся к победе трудящихся во всем мире. И если данные исторические деятели еще не используются в качестве символов нынешнего общественного строя, то только потому, что с ними либо все еще связывается чуждое ему идеологическое наполнение, либо на них, как на Ленина, возлагается ответственность за грех развала великой державы (царской России и СССР, под который он якобы «подложил бомбу»). Но в той мере, в которой инициативы, касающиеся их чествования, совпадают с нынешним укреплением государственности, они будут находить одобрение власти или, по крайней мере, не отвергаться ею с ходу.

2

В недавнем споре по поводу восстановления памятника Дзержинскому или замены его памятником Александру Невскому отражается вся двусмысленность ситуации, которая у нас периодически повторяется (например, при обсуждении, кого считать «именем России»).

«Со сноса Дзержинского начался распад СССР. С его возвращения — начнется его восстановление. Этого и боятся», — утверждает З. Прилепин [13]. Говорят также, что таким образом возвращаются символы трагической и великой эпохи [5], что это «будет напоминанием правоохранительным органам строго соблюдать девиз Железного Феликса: “холодная голова, горячее сердце, чистые руки”, действенным заслоном коррупции, началом подлинной заботы о человеке труда и возрождением экономически сильной независимой России», символическим выступлением «против феодализма и олигархии, за социальную справедливость» [3].

Тут возникает вопрос: когда при большевиках снимались фильмы вроде «Иван Грозный» и «Александр Невский» или ставились памятники дореволюционным деятелям, — символы какой великой эпохи возвращались? Возвращает ли ежегодное празднование Дня 8 Марта или 1 Мая (мероприятия, намного большие по масштабу, чем восстановление любого памятника) хоть толику социальной справедливости советских времен? Действительно ли из-за срыва голосования по памятнику на Лубянке «общество упустило шанс очиститься покаянием за 1991 год» [15]?

Давайте предположим, что памятник Дзержинскому восстановили. Будет ли это означать возврат к реставрации советских реалий или реабилитацию советского периода в сознании народа, как это провозглашает З. Прилепин и сторонники возвращения памятника? Разве что в контексте официального дискурса «преемственности» российской истории. Думается, мало кто рискнет в здравом уме и твердой памяти предположить, что нынешние элиты одобрили бы установку памятника Дзержинскому или иному деятелю за его коммунистические идеалы.

Не резоннее ли сказать, что не бывает никогда никакого «возврата», и что всякая эпоха руками тех, кто обладает реальными политической

властью и влиянием, *вкладывает* в памятники героям прошлого свой смысл? Какой бы смысл ни приписывался памятнику Дзержинского во времена его установки и в советские времена, каким бы этот человек ни был в реальности, в 1991 г. он стал олицетворением всего аппарата госбезопасности, символом «всех репрессий, совершенных за годы советского режима, и всего отрицательного, что было в этом режиме» [2. С. 100]. Это было очевидно для участников его сноса, потому что наступала эпоха, в которой для большинства населения и, что еще важнее, власти памятник Дзержинскому не мог быть чем-то иным. Точно так же и сегодня смысл символики памятников определяется не вчерашним днем, а потребностями сегодняшнего дня и волей власти, которая воздвигает их или не возражает против этого. (Думается, это касается не только России. Если, к примеру, в США в обозримом будущем будут восстановлены низвергнутые памятники генералам южан, то они скорее будут означать отказ от перегибов времен BLM, чем возврат к позавчашним установкам «рабства и белого превосходства», или даже восстановление символов примирения Севера и Юга после Гражданской войны.)

Поэтому есть основания предполагать, что если сегодня власть согласится на восстановление памятников Сталину или Дзержинскому, то принципиальной разницы в символическом наполнении между ними и памятником Александру Невскому не будет. Ведь вкладываемый в них смысл одинаков: абстрактное государственное величие.

Из деятелей прошлого проще всех использовать для нужд нынешней власти тех, кого легче других очистить от неподходящих идеологических ассоциаций, с кем в первую очередь связывается не борьба за идею, а что-то другое. Именно таков Дзержинский, который в контексте сегодняшнего дня вспоминается в первую очередь как основатель спецслужбы, безжалостно боровшейся с внутренними врагами власти. Или как образец выдающихся личностных качеств, герой, которому не зазорно подражать, — «символ великого страдания» и выдержки, мученик за соратников, которых никогда не предавал в тюрьмах и ссылках, воплощение «внутренней силы и необыкновенного мужества» [14]. И если памятник ему вернуть все еще не готовы, то лишь потому, что не окончательно выветрилась память о революционном прошлом этого деятеля.

В связи с этим в высшей степени показательна фигура Александра Невского, который противопоставлялся и Сталину, и Дзержинскому.

На наш взгляд, главная причина его символической востребованности заключается в том, что он символизирует собой архетип, лежащий едва ли не в основании официальной (и не только) российской риторики последних десятилетий. Это если не прямая выдача нужды за добродетель, то, несомненно, добродетель, вытекающая из нужды. В чем видится главная заслуга Александра Невского? В том, что он сумел покориться неизбежному (в данном случае татаро-монголам), заручиться у них покровительством в борьбе с другими врагами, заложить предпосылки для будущего объединения Руси. Распался СССР? — Зато не кормим республики. Наложили на нас санкции? — Они полезны для развития отечественной промышленности и прочего импортзамещения. Нас снова обошли на рынке космических запусков? — Это отличный пинок

под зад, без которого некоторые высокопоставленные управленцы не могут работать [12]. Россия фактически стала младшим партнером Китая? — Это гораздо лучше, чем быть вассалом Америки.

В любом случае, в нынешней России эта фигура действительно приобрела уникальное символическое значение. Как замечает Н. В. Регинская, «социализация культурного героя в современном периоде необходима для адекватного восприятия его качеств и подвигов российским обществом. Этот процесс подразумевает упрощенную форму интерпретации, так как бытовое мышление социума воспринимает только понятные традиционно-выверенные временем образы» [10. С. 122]. И это действительно так. Потому что, каков бы ни был Александр Невский на самом деле, даже в устах Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла он предстает как полководец, который разбил в 20 лет шведов, в 22 года — ливонцев, а затем «стал святым, собравшим в себя все лучшее, что олицетворяет спасителя и устроителя России» [16]. Историк П. Стефанович резонно замечает, что если в СССР роль Александра Невского как святого принижалась, то в современной России «Александр служит национальным символом, обеспечивающим преемственность прошлого нации с ее настоящим». Он выступает как «защитник “Русской земли”», «признанный православный святой», «прославленный воин, противостоявший... однозначно “чужим” (шведам и немцам)». Как правитель он нравится «государственникам», в то же время «темные» стороны русской традиции самодержавия ассоциируются с ним в меньшей степени, чем с другими правителями. Наконец, немаловажно, что память об Александре Невском тесно связана с Великой Отечественной войной, которая вырастает едва ли не в главное сакральное «место памяти» современной России» [9].

Иными словами, культ Александра Невского образцовый в том смысле, что в каждую эпоху укрепления российской государственности он оказывается на своем месте. Но именно это и делает фигуру князя показательным примером радикального отрыва исторической личности от сопутствовавшего ей реального исторического бэкграунда. Идеальная фигура нынешнего державного патриотизма — исторический персонаж, про которого забыли достаточно, чтобы он приобрел нужную степень стерильности и безопасности. В нынешней России Александр Невский — символический объект для замещения чего-то опасного и неудобного, чья роль выступает особенно ярко, когда им пытаются заслонить фигуры Сталина и Дзержинского.

Как заметил Э. Ренан, нация складывается в том числе и в процессе совместного забывания определенных моментов своей истории [11]. К этому сегодня можно добавить, что конкретно постсоветская российская нация складывается не только в процессе забывания своего прошлого, но и при игнорировании своего настоящего. В чем проявляется последнее? Радетели восстановления памятников некоторым советским вождям просто-таки парадоксальным, удивительным образом забывают, что в период после 1991 г. такого рода символических уступок сделано было уже много. Не только в идеологическом, но и в чисто бытовом плане Российская Федерация покоится на фундаменте из таких уступок. Мы просыпаемся под музыку советского гимна, празднуем дни 8 Марта,

23 Февраля и 1 Мая, у нас во многих местах до сих пор стоят (и никто их не трогает) памятники Ленину и Марксу. Мы ходим по улицам, названным именами великих и не очень революционеров, советских наркомов, участников Гражданской войны, живем в городах, носящих их имена. Мы также, почти буквальным образом, едим и пьем эту символику, в значительной мере превратившуюся в товарные бренды [4].

Приближает ли нас это хоть на шаг к коммунизму или реставрации советского строя? Только в глазах деятелей, которым ненавистно любое напоминание о «проклятом совке». Лишь слепой не заметил бы, что в нынешней ситуации памятник даже самому товарищу Сталину — не просто аналог Гимна Российской Федерации с музыкой советских времен, но с новым текстом С. Михалкова, но и нечто, объективно *ничего не добавляющее к тому, что уже есть*. Сторонники восстановления советских памятников, таким образом, напоминают участников пресловутых каргокультов, которые самозабвенно собирали из веточек и веревок имитации самолетов и вышек. Однако, в отличие от обычных каргокультистов, они не замечают, что делают это на неплохо сохранившемся аэродроме, на котором даже еще взлетают и приземляются вполне материальные самолеты.

3

Таким образом, сегодня, когда поднимаются вопросы о восстановлении памятников, мы в первую очередь имеем дело с конструированием национальной идентичности постсоветской России по вполне себе «буржуазному» образцу. И любые отсылки к прошлому, любые символические уступки при всей их эмоциональной насыщенности в конечном счете служат дровами, бросаемыми в топку этого конструирования.

Очевидно, что такого рода уступки вовсе не означают действительных перемен в области социальной политики, совершаемых в русле социалистических и коммунистических ценностей. Тем не менее многие питают завышенные ожидания от установки (восстановления) памятников деятелям советского прошлого. Не трудно заметить, что всякий раз постановка вопроса о восстановлении памятника возбуждает идейных оппонентов из противоположного лагеря, тем самым убеждая его сторонников в исключительной важности их инициативы. И это так, но вовсе не по тем причинам, которые указываются самим сторонниками восстановления памятников. Как замечает В. С. Мартыанов, скорее это происходит потому, что «с течением времени стало окончательно очевидно, что травмирующий распад СССР не может стать объединяющей антисоветской основой для новой России» [6. С. 60].

Государству как доминирующему субъекту в области нациестроительства в ряде случаев выгодно сделать уступку. Если оно имеет дело со значительным меньшинством, которому дороги как символ, так и его мировоззренческая подоплека, то проще оставить прежний символ, дожидаясь, когда его прежнее значение забудется, и он постепенно наполнится новым содержанием. Поэтому те, кто провозглашает, что возвращение памятников приблизит хотя бы частичное возвращение

к советским временам, искренне заблуждаются либо сознательно работают в парадигме буржуазного национализма.

Учитывая, что последние несколько лет объективно способствовали сокращению числа идеалистов в отечественной политике, второе гораздо более вероятно.

Литература

1. В Дубне решили восстановить 40-метровый памятник Сталину на канале имени Москвы. — <https://xn----8sbcbgfb8ddat1b.xn--p1ai/news/2755> (дата обращения: 16.03.2021).

2. **Васильева Н.** Символика памятника Ф. Э. Дзержинскому в современном публичном дискурсе // *Inter*. 2014. № 8.

3. **Ведяев А.** Доминанта пролетариата : О возвращении «Железного Феликса» на Лубянку. — https://zavtra.ru/blogs/dominanta_proletariata (дата обращения: 16.03.2021).

4. **Джанджугазова Е. А.** Бытовая романтика СССР: «старые — новые» бренды // *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2016. Вып. 4.

5. **Курбов И.** Дань памяти или хулиганство: какую реакцию вызвала идея вернуть Дзержинского на Лубянку : Деятели культуры высказались об идее вернуть памятник Дзержинскому на Лубянку. — https://www.gazeta.ru/culture/2021/02/09/a_13472846.shtml (дата обращения: 16.03.2021).

6. **Мартынов В. С.** Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти // *Дискурс-Пи* : научный журнал. 2020. № 4(41).

7. **Нора П. и др.** Проблематика мест памяти : Франция-память. СПб. : Изд-во СПб. госуниверситета, 1999.

8. **Попов А.** Запрет в целях евроинтеграции. — <https://iz.ru/news/600412> (дата обращения: 16.03.2021).

9. Почему Александр — Невский? Он имеет отношение к Москве? А к ФСБ? Стыдные вопросы о князе, которому могли поставить памятник на Лубянке (но, видимо, не поставят). — <https://meduza.io/feature/2021/02/28/pochemu-aleksandr-nevskiy-on-imeet-otnoshenie-k-moskve-a-k-fsb> (дата обращения: 16.03.2021).

10. **Регинская Н. В.** Александр Невский как символ национальной идентичности в современном искусстве // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2011. Т. 12. № 1.

11. **Ренан Э.** Что такое нация? — https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Ren_Nacia.php (дата обращения: 16.03.2021).

12. **Ситников А.** Американцы дали пинок Рогозину : Жаль, что «волшебный пендель» не из Кремля... — <https://www.km.ru/science-tech/2021/03/08/roskosmos/886148-amerikantsy-dali-pinok-rogozinu-zhal-chto-volshebnyi-pendel> (дата обращения: 16.03.2021).

13. СМИ сообщили о «накрутке» голосов за памятник Невскому в Москве. — <https://www.km.ru/v-rossii/2021/02/25/moskva/885900-smi-soobshchili-o-nakrutke-golosov-za-pamyatnik-nevskomu-v-moskve> (дата обращения: 16.03.2021).

14. «Феликс Эдмундович — это символ великого страдания» : Кира Сазонова о том, почему она «за» памятник Дзержинскому на Лубянке. — <https://vnnews.ru/social/90794-feliks-edmundovich-eto-simvol-velikogo-stradaniya-kira-sazonova-o-tom-pochemu-ona-za-pamyatnik-dzerzhinskomu-na-lubyanke.html> (дата обращения: 16.03.2021).

15. **Черняховский С.** Несостоявшееся искупление: Лубянка ждет. — <https://www.km.ru/v-rossii/2021/03/07/okhrana-pamyatnikov-istorii-kultury-i-arkhitektury-v-rossii/886127-nesostoyavshe> (дата обращения: 16.03.2021).

16. **Яковлева Е.** Стратегический князь : Почему для нас сегодня важен Александр Невский? — <https://rg.ru/2020/10/06/pochemu-dlia-nas-segodnia-vazhen-aleksandr-nevskij.html> (дата обращения: 16.03.2021). ◆